

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Аишенфельд Ф., Трекер М.</i> От Людендорфа к Ленину? Первая мировая война и истоки советского экономического планирования.....	10
<i>Уиллимотт Э.</i> Время, проведенное дома: Октябрьская революция и советское понятие времени (Реферат).....	14
<i>Уайт Дж.Д.</i> Лев Троцкий и советская историография русской революции (1918–1931) (Реферат)	19
<i>Дьюкс П.</i> Русская революция в «Британской энциклопедии» (Реферат).....	25
<i>Любин В.П.</i> Рец. на кн.: XV Плехановские чтения: Советский Союз в геополитических условиях 1927–1941 гг.: проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического курсов строительства государства : материалы международной конференции, 23–25 сентября 2022 г. / под ред. Т. И. Филимоновой. – Санкт-Петербург : РНБ : Ниц Арт, 2022. – 297 с.	30
<i>Апанасенок А.В.</i> Как безбожие попыталось стать религией	41
<i>Баттис М.</i> На общей почве: советская национальная политика и австромарксистский замысел (Реферат)	48
<i>Петрухина Д.В.</i> Национально-культурная политика БССР в 1920-е годы: проблемы и значение (Обзор).....	53
<i>Бабенко О.В.</i> Новые зарубежные публикации о советско-польских отношениях межвоенного периода (2022–2023) (Обзор).....	70

<i>Емельянова Е.Н.</i> СССР и Африка в 1920-е –1930-е годы: зарубежная и российская историография (Реферативный обзор)	80
<i>Микенберг Дж.Л.</i> Американки в Красной России: в погоне за советской мечтой / пер. с англ. Т. Азаркович. – Москва : НЛЮ, 2023. – 448 с. – (Гендерные исследования). (Реферат)	95
<i>Миц М.М.</i> Советский Союз во Второй мировой войне: за пределами истории боевых действий (Реферативный обзор).....	102
<i>Бабенко О.В.</i> Деятельность фронтовых художественных бригад и театров в годы Великой Отечественной войны (Обзор)	124
«Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / отв. ред. С.Г. Карпюк. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2021. – 493 с. (Реферат).....	137
<i>Сьвидер К.</i> Экономические причины и механизмы распада Советского Союза (Реферат).....	146
<i>Салливэн Ч.Дж.</i> Родина: советская ностальгия в Российской Федерации (Реферат)	151
Сведения об авторах	161

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Союза Советских Социалистических Республик привлекает внимание широкого круга специалистов-гуманитариев – не только историков, но и социологов, политологов, культурологов, лингвистов, философов. Масштабность, сложность и многомерность истории СССР такова, что у исследователей нет необходимости «подстраивать» изучение этого периода под «юбилейные» даты и мероприятия. Тем не менее столетие образования СССР стоит особняком, так как выпало на время очередных кардинальных перемен в мире. Многочисленные военные и дипломатические кризисы символизируют фактический демонтаж миропорядка, сложившегося после окончания Второй мировой войны, неотъемлемой частью которого был Советский Союз. Поистине революционные изменения происходят в мировой экономике, международных отношениях, демографии, культуре и науке. Понять, что мир изменился и уже никогда не станет прежним, всегда легче через углубленное изучение и лучшее понимание важнейших атрибутов, символов и образований уходящей эпохи.

В этом смысле неудивительно, что всестороннее исследование СССР – уникального явления в истории XX в. – набирает обороты как в России, так и за рубежом. С каждым десятилетием историография Советского Союза разрастается, появляются новые направления и научные школы, не утихают споры о проблемных вопросах советской истории. В данном сборнике обзоров и рефератов предпринимается попытка осмыслить основные тенденции в развитии современной историографии, наметить ее проблемы и перспективы.

Сборник организован по проблемно-хронологическому принципу. Открывают его четыре реферата И.К. Богомолова на статьи зарубежных авторов о различных проблемах раннесоветской истории. В статье Ф. Ашшенфельда и М. Трекера сравнива-

ются подходы в экономическом планировании, которые разрабатывали в конце XIX – начале XX в. лидеры партии большевиков и теоретики марксизма в кайзеровской Германии. Основное внимание уделено практикам централизации экономики, планирования и распределения в Германии времен Первой мировой войны, а также влияние этого опыта на взгляды большевиков после революции 1917 г. В статье Э. Уллимотта рассматриваются вопросы организации раннесоветского быта и общественного пространства в 1920-е годы. Несмотря на исчезновение городских коммун при И.В. Сталине, многие аспекты их организации повлияли на быт советских граждан в последующие десятилетия. Дж. Уайт подробно анализирует влияние сочинений Л.Д. Троцкого на развитие советской историографии российской революции. Хотя имя Троцкого с конца 1920-х годов старательно вычеркивалось из истории Октября, его концепция развития революционной ситуации стала фактически неотъемлемой частью общепринятого в СССР взгляда на революцию 1917 г. Освещение Октябрьской революции в энциклопедии «Британника» в 1920-е годы проанализировал П. Дьюкс. Автор показал, что на этом этапе развитие концепции и кратких характеристик 1917 г. осложнялось тем, что специалисты по этому периоду русской истории сами зачастую были ее участниками (П.Г. Виноградов, Л.Д. Троцкий).

В 2010-е годы значительно возросло внимание отечественных и зарубежных историков к раннесоветскому периоду. Во многом это было следствием падения интереса к теме российской революции (а в ряде случаев – расширения ее хронологических рамок до конца 1920-х годов), развития концепции «советской модерности» и встраивания процессов в СССР в общемировой контекст¹. С другой стороны, Большой террор и Великая Отечественная война в последние десятилетия поглощали львиную долю внимания исследователей. Ныне фокус смещается на 1920–1930-е годы, во-первых, из-за слабой изученности многих сюжетов. Характерный пример – монография Дж. Микенберг, посвященная массовому «паломничеству» американцев в Советский Союз в 1920–1930-е годы (автор реферата – Ю.В. Дунаева). Во-вторых, обращению к межвоенному периоду способствует активизация попыток рассматривать ключевые события XX в. (в том числе революцию 1917 г. и Вторую ми-

¹ Подробнее см.: *Богомолов И.К.* Великая российская революция в современной зарубежной историографии // *Российская история.* – 2021. – № 5. – С. 114–131.

ровую войну) в разрезе глобальных процессов мировой истории. Это хорошо видно и на примере прошедших в Москве 23–25 сентября 2022 г. XV Плехановских чтений (обзор подготовлен В.П. Любиным). На этот раз чтения были посвящены развитию СССР в «геополитических условиях 1927–1941 гг.», то есть от прихода Сталина к власти и до начала Великой Отечественной войны. Общей идеей докладов была тесная увязка внутренних процессов в Советском Союзе с внешними условиями и тенденциями развития межвоенной Европы.

Традиционное, но весьма важное место в историографии занимает изучение религиозной политики в СССР. В этом смысле выход монографии В. Смолкин стал, безусловно, значимой вехой и показал, что тема не теряет своей актуальности и имеет большие перспективы. В рецензии на эту книгу (автор – А.В. Апанасенок) рассматривается феномен советского атеизма, который стал одним из центральных элементов советской идеологии и одновременно «полем битвы» теории и практики, примером столкновения мировоззрений и скрытой идеологической борьбы в советских социально-политических условиях.

Национальная политика в СССР – еще одна тема, интерес к ней только увеличивается по мере отдаления советской эпохи. Многочисленные межэтнические и меконфессиональные конфликты на постсоветском пространстве и по всему миру заставляют историков обращаться к советскому опыту, к решениям советского руководства, влияние которых на современность не только не уменьшается, но с годами проявляется все более остро. В поисках истоков советской национальной политики М. Баттис в своей статье (автор реферата – И.К. Богомолов) рассматривает влияние на взгляды большевиков австромарксистской концепции национальной автономии и государственности. Видные теоретики австромарксизма К. Реннер и О. Бауэр не считали, что для каждой нации свойственно стремиться к созданию государственности, и рассматривали национально-культурную автономию как приемлемую форму самовыражения и самосохранения для большинства народов. Сталин неизменно критиковал взгляды австромарксистов на национальный вопрос, однако, как показывает Баттис, именно в сталинскую эпоху национальная политика СССР заимствовала многое из теории Реннера и Бауэра. Исследования практической реализации советской национальной политики на примере Белорусской ССР рассматривает в своем обзоре Д.В. Петрухина. Особенностью БССР было то, что коренизация и «беларусизация»

происходили в уже существующем государстве (в виде советской республики), в то время как в подавляющем большинстве случаев созданию государства предшествовал интенсивный процесс национал-социализма.

Продолжились в последние годы и исследования советской внешней политики в межвоенный период. В обзоре О.В. Бабенко проанализированы работы В. Влодаркевича, П. Уайтвуда и С. Лацного по истории советско-польских отношений в 1920–1930-е годы. В. Влодаркевич, рассматривая деятельность польской разведки, приходит к выводу, что Варшава к 1939 г. оказалась в затруднительном положении, считая угрозой и Германию, и СССР, но так и не найдя нужного баланса для обеспечения безопасности страны. П. Уайтвуд в своей статье рассматривает попытки Москвы организовать коммунистическую пропаганду среди польских военнопленных в начале 1920-х годов. По его мнению, именно поражение в советско-польской войне и неудача в пропаганде в Польше стали для большевиков переломным моментом и предопределили их фактический отказ от идеи мировой революции. С. Лацный, анализируя образ Польши и поляков в советском довоенном кино, показывает, что основным мотивом пропаганды был многовековой гнет украинцев и белорусов под властью польского государства. При этом подчеркивалось, что Польша, раздираемая внутренними противоречиями, не имеет той идейной основы, которую получили после Октябрьской революции советские народы.

Актуальная ныне тема отношений СССР и Африки отражена в обзоре Е.Н. Емельяновой, сфокусированном на работах последних лет о советско-африканских отношениях в 1920–1930-е годы. Большинство современных историков отмечают, что зарождение африканистики в СССР во многом было связано с интересом Коминтерна к распространению своего влияния в мире. Угроза со стороны фашистского блока требовала изменения тактики в 1930-е годы: создания народных фронтов, отказа от поддержки революционных восстаний. Приверженность Коминтерна и первых африканистов «левому» подходу 1920-х годов привела к репрессиям против них в период Большого террора и сворачиванию африканских исследований до второй половины 1950-х годов.

Многочисленные исследования истории СССР в годы Великой Отечественной войны заслуживают отдельного сборника, поэтому М.М. Минц в своем обзоре сознательно ушел от собственно военной тематики и сосредоточился на «небоевых» аспектах (повседневность на фронте и в блокадном Ленинграде, выживание

советских граждан в нацистских концлагерях, оккупированные территории СССР в 1941–1944 гг., Холокост, советский тыл и отношения Москвы с союзниками по антигитлеровской коалиции). Растущую популярность и разнообразие «небоевых» сюжетов иллюстрирует обзор О.В. Бабенко, где подробно анализируются современные работы по истории фронтовых художественных бригад и театров в годы Великой Отечественной войны.

Историю советской исторической науки в сборнике представляет реферат коллективной монографии об изучении в СССР античности (автор реферата – А.Е. Медовичев). Антиковедение в Советском Союзе прошло несколько этапов, во многом отражавших общественно-политические тенденции в стране: формирование «костяка» историков-античников в 1920-е годы, заложение институциональных основ изучения и преподавания древней истории и «реабилитацию» дореволюционного образования в 1930–1940-е годы, ослабление административных и идеологических ограничений в период «оттепели».

Экономические причины распада СССР рассмотрены в статье Л. Сьвидера (автор реферата – О.В. Бабенко). Сьвидер основное внимание уделяет реформам периода перестройки и приходит к выводу, что замысел и реализация реформ впервые в советской истории зависели не только от экономической, но и от политической конъюнктуры. За политическим распадом Советского Союза последовал и распад экономических и хозяйственных связей, а также перераспределение собственности, которое, по мнению Сьвидера, вполне следовало ленинской логике «экспроприации экспроприаторов».

Завершает сборник реферат книги Ч.Дж. Салливана о ностальгии по СССР в современной России, подготовленный Т.М. Фадеевой. Особенностью работы Салливана является его обращение к массовым настроениям в российском обществе; он также рассматривает социально-экономические и культурные причины «советской ностальгии», ее влияние на современную российскую политику.

И.К. Богомолов

Ашшенфельд Ф., Трекер М.
ОТ ЛЮДЕНДОРФА К ЛЕНИНУ?
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИСТОКИ
СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
(Реферат)

Asschenfeldt F., Trecker M. From Ludendorff to Lenin? World War I and the origins of Soviet economic planning // Europe-Asia Studies. – 2023. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2023.2259635>.

Историки Ф. Ашшенфельд (Принстонский университет, США) и М. Трекер (Институт истории и культуры Восточной Европы, Лейпциг, Германия) анализируют взаимосвязь между войной и экономическим планированием, рассматривая интеллектуальную историю экономического планирования во время и после Первой мировой войны. В центре внимания авторов – вопрос о влиянии мобилизации экономики в 1914–1918 гг. на развитие социалистической мысли в целом и, в частности, на развитие советской экономики. Прослеживая историю военного планирования в Германии и России, авторы предлагают новую интерпретацию роли немецкой военной экономики в политике большевиков.

Ашшенфельд и Трекер сосредоточили внимание на сравнении дебатов о планировании среди российских левых и дебатов о планировании в Германии военного времени. В Германии экономическое планирование рассматривалось промышленниками, такими как В. Ратенау, а также военными деятелями, такими как генерал Э. Людендорф, «не просто как необходимое зло в военное время, но и как способ оживить немецкое общество после войны» (с. 2). За этими дискуссиями следили в России, в том числе экономист Ю. Ларин (Михаил Лурье, 1882–1932), который после рево-

люции стал «одним из самых радикальных сторонников планирования». Авторы отмечают, что до прихода к власти большевики в основном обращали внимание на динамику капитализма на периферии и не заглядывали далеко вперед в прогнозах о форме и организации социалистической экономики. Но в ходе Первой мировой войны «русские левые интеллектуалы начали видеть следы социализма в мерах, принятых воюющими державами, особенно в военной экономике Германии» (с. 2). Особое внимание авторы уделили влиянию работ Р. Гильфердинга (1877–1941), подробно рассмотревшего процесс картелизации промышленности во второй половине XIX – начале XX в. По мысли Гильфердинга, процесс картелизации и концентрации власти в руках финансового капитала в конечном счете должен был привести к возникновению общего картеля (*Generalkartell*), который планировал бы все экономические отношения в данном обществе. Экономические процессы в Европе этому лишь способствовали. Фактическая отмена свободной конкуренции в 1870-е годы потребовала от буржуазии большего взаимодействия с государством. Поскольку контролируемая конкуренция было легче осуществлять в границах одного политического образования, картели, как правило, развивались по национальному признаку, стремясь расширить сферу своего влияния за пределы национальных границ, чтобы увеличить прибыль. Этот механизм, утверждал Гильфердинг, мог бы объяснить геополитическую напряженность начала XX в.: несколько национальных картелей боролись за мировые рынки, имея ограниченные ресурсы и территории, и стремились их расширить, используя военную мощь государства (с. 8).

Среди большевиков интерпретация войны как апогея картелизации была впервые предложена Н.И. Бухариным, он в книге «Империализм и мировая экономика» (1915) утверждал, что начало мировой войны привело к появлению нескольких «национальных марксизмов» и борьбе между различными регионами. Он «пошел дальше Гильфердинга, утверждая, что преобразование национальной экономики в один гигантский трест – процесс, начавшийся в Германии в 1870-х годах, – представляет собой важную предпосылку социализма» (с. 8). Первая мировая война рассматривалась как конфликт между государственно-капиталистическими картелями, контролируемые правящими классами, которые стремились насильственно продвигать свои интересы на мировом рынке.

Для Ленина, Бухарина и Ларина картелизация военного времени («государственный капитализм») представлялась лишь про-

межучточным шагом в неизбежном развитии общества к социализму. Ларин до 1917 г. также часто ссылался на работы Гильфердинга, анализируя военную экономику Германии. Он отмечал, что банки, участвуя в финансировании войны, были вынуждены сокращать конкуренцию, что в свою очередь приводило к созданию отраслевых монополий. Таким образом, война должна была укротить «хаотические» процессы рынка путем картелизации, породив более рациональный экономический порядок. В 1915 г. Ларин писал на страницах «Вестника Европы», что «сегодня Германия представляет собой самую интересную социальную лабораторию человечества» (цит. по: с. 10). В октябре 1917 г., когда он стал одним из главных советников Ленина по экономическим вопросам, именно это видение военной экономики послужило основой для первых шагов к экономическому планированию и тотальной национализации.

На Ленина, «по-видимому, произвела особое впечатление военная экономика Германии, которая служила свидетельством мощи централизованного планирования и расширенного влияния государства. Однако, учитывая, что Ленин сделал очень мало зафиксированных замечаний о военной экономике Германии, ее влияние на него не следует преувеличивать» (с. 10). Большевистское экономическое планирование было не просто попыткой подражать немецкой модели. Скорее, утверждают авторы, здесь есть «избирательное сходство с другой высокоцентрализованной и принудительной моделью экономического управления». Можно выделить лишь набор «этатистских и нелиберальных убеждений, разделяемых немецкими военными планировщиками и экономистами в большевистской России» (с. 3). Влияние немецкой политики военного времени на конкретную политику большевиков трудно проследить, особенно с учетом того, что немецкая военная экономика «не разделяла сильного акцента большевиков на национализацию и конфискацию» (с. 10).

На более глубоком уровне внимание большевиков к немецкой военной экономике указывает на «набор общих ценностей и черт сходства, которые, как это ни парадоксально, разделяли российский революционный режим и немецкие реакционные правые». Стремление большевиков к неограниченной исполнительной власти «отражало стремление Людендорфа подчинить всю экономическую деятельность военному командованию для целей тотальной войны» (с. 11). Таким образом, военная экономика Германии привлекала большевиков как модель хорошо организованной «буржуазной диктатуры», пример силы принуждения. Именно по

этой причине к концу 1920-х годов многие видные представители немецкой правой интеллигенции, «отвергая большевизм, были очарованы экономической организацией Советского Союза». Такое «избирательное восхищение, несмотря на идеологический разрыв, уходит корнями в Первую мировую войну» (с. 11).

В целом, заключают Ашшенфельд и Трекер, во время Первой мировой войны все воюющие державы были вынуждены так или иначе усилить вмешательство государства в экономику. Такое развитие событий «вдохновило интеллектуалов, как левых, так и правых, на продолжение политизации экономической жизни в стремлении к более справедливому порядку после войны». В наиболее экстремальной (большевистской) форме это повлекло за собой «тотальное планирование», отражавшее мечту об интеграции всех социальных сил в государстве и достижении полного контроля над экономической жизнью. Таков был утопический идеал, стоявший за военным коммунизмом и «командно-административной системой», построенной в СССР при Сталине. Но существовали и другие, более умеренные взгляды на послевоенное экономическое планирование, которые «основывались на расширении сотрудничества между бизнесом и государством». Эта «смешанная экономика» была, по сути, тем, что предложил Ратенау, и «в какой-то степени нашла выражение в ленинском нэпе и ранней фазе Октябрьской революции. Фактически многие страны Запада приняли аналогичные меры планирования после Великой депрессии» (с. 15).

И.К. Богомолов

Уиллимотт Э.

**ВРЕМЯ, ПРОВЕДЕННОЕ ДОМА:
ОКтябрьская РЕВОЛЮЦИЯ
И СОВЕТСКОЕ ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ
(Реферат)**

Willimott A. Time at home: the October Revolution and Soviet temporalities // History. – 2023. – Vol. 108, N 383. – P. 528–555.

Э. Уиллимотт (Лондонский университет королевы Марии, Великобритания) в новой статье продолжает свои многолетние исследования организации быта в раннесоветский период. В данной работе автор рассматривает коммуны и историю «нового быта» в контексте изменяющегося ощущения времени, характерного для российского общества в революционную эпоху.

Немецкий историк Р. Козеллек определил концепцию линейного прогресса как определяющую черту современности. Линейные, прогрессивные представления о времени все больше превосходили предположительно циклические представления о времени и истории. Многие человеческие действия и изобретения со времен Просвещения, как отметила П. Сатия, основывались на «убеждении, что история – это обязательно история прогресса» (цит. по: с. 531). Новые представления о человеческом существовании изменили значение «революции» с «чего-то, связанного с циклом времени или закономерностями движений, на механизм изменений или разрыва, ведущий к неопределенной трансформации общества» (с. 531).

Дом стал главным объектом пропаганды ключевой утопической идеи, долгожданного «нового быта», рассматривавшегося как более высокое состояние жизни, как «новый кодекс поведения,

норм и привычек, который повысит сознание индивида и тем самым будет способствовать прогрессу человечества благодаря еще нереализованному коллективному потенциалу и социальной гармонизации» (с. 534). Ленин «осыпал презрением» тех, кто, по его мнению, заходил слишком далеко в предположениях, что новая пролетарская культура «откроет дверь к биологическому, интеллектуальному и социальному совершенствованию человечества» (с. 534). Тем не менее лидер большевиков понимал необходимость утопии, знал, что развитие революции будет зависеть в том числе от появления авангарда молодых людей, готовых реализовать ее идеалы. В 1919 г. он писал, что «победа над нашим собственным консерватизмом, недисциплинированностью, мелкобуржуазным эгоизмом, победа над привычками» будет еще труднее, чем победа над классовым врагом (цит. по: с. 534).

Представление о неукротимом, целеустремленном и позитивном авангарде, безусловно, стало основой большевистского революционного видения. Коллективизм рассматривался как отличительная черта России, нетронутая капитализмом. Крестьянскую общину, «бастион русской социальной и светской традиции», большевики хвалили за то, что она сохранила свои основные коллективные структуры и ритмы на протяжении веков. Российские «радикалы, восходящие к Александру Герцену, увидели в этой черте “российской отсталости” незапятнанный дар прошлого – ключ, позволяющий открыть историю и прыгнуть вперед, минуя трудности европейского капитализма, прямо в лучшее будущее» (с. 530).

После 1917 г., публикуя советы в молодежной прессе, А.И. Коллонтай наставляла читателей отвергать «буржуазную мораль» и подчинять каждый аспект своей жизни «коллективному режиму» (цит. по: с. 536). Здесь коллективизм нес моральные коннотации, которые шли вразрез с «ленью и нормами русского аристократического времени». Коллективизм стал фактически синонимом современности. После Октября реформирование домашнего быта и принципов семейной жизни стали еще теснее ассоциироваться с развитием коллектива и дисциплинированным «новым образом жизни».

Наиболее распространенным явлением были дома-коммуны, они, как надеялись большевики, реформируют индивидуальную и семейную жизнь, освободив женщин от «домашнего рабства» и коллективизируя ряд видов деятельности. Проекты домов-коммун задумывались как средство «революционирования повседневной

жизни и формирования социалистических идеалов» (с. 537). Уже в 1919 г. были объявлены архитектурные конкурсы на проекты домов-коммун, которые могли бы обеспечить коллективное проживание 100–200 человек, с указанием, что в комплексе должны быть предусмотрены общая кухня, столовая, ванная комната, детский сад и школа, библиотека и рабочий кабинет. В теории такие дома должны были разрушить привычки и режим «старого образа жизни», введя новые коллективные соглашения и рационализированное управление временем. Это был «современный и дисциплинированный советский временной порядок, проникнутый революционным прочтением достоинств традиционного русского коллективизма» (с. 537).

Коммуны рассматривались как место, где можно было экспериментировать с повседневностью, включая «откровенно новое понимание временной дисциплины». Прежде всего это обеспечило пространство, где активисты могли «проводить время по-другому, строить свою жизнь не так, как их родители» (с. 541). В небольших комнатах общежития первые энтузиасты создали «общий котел», куда складывали свои стипендии и заработки. Общие деньги шли на покрытие коллективных расходов, включая еду и одежду. В центре этих комнат стоял стол, служивший местом для коллективных трапез, встреч, дебатов, чтения и проведения досуга.

Некоторые считали, что только в коммуне они обрели свободу жить так, как хотели. Другие выступали за формирование «новой семьи», которая рассматривалась как социальная ячейка, рожденная товариществом и взаимным сотрудничеством, основанным на кровных узах. Семейная жизнь больше не должна быть основана на «патриархате, религии и праздности». Появилось время для коллективного и равноправного выполнения задач. Члены коммуны вместе ели, выделяли время для совместного выполнения домашних обязанностей, а по вечерам читали, учились и организовывали политические дискуссии. Патриархальная семья считалась ловушкой и ограничителем общества, главным «буржуазным» институтом, тормозящим прогресс (с. 543).

Ленин рассматривал борьбу за «новый быт» как «третий фронт», как средство преодоления извечной российской проблемы «отсталости». Он хотел поощрять распространение грамотности, владение наукой и техникой – «отличительными чертами современности» (с. 547). Л.Д. Троцкий в книге «Вопросы повседневной жизни» (1923) отмечал, что стандарты поведения и новые соци-

альные нормы имеют решающее значение для долгосрочного существования нового революционного государства. В 1927 г. Н.И. Бухарин поддержал эту идею, заявив, что «образ жизни» занимает центральное место в строительстве нового общества (с. 548).

Чистота и хорошее здоровье напрямую ассоциировались с социализмом и «новым бытом», в то время как грязь и нездоровье – с дореволюционным домом. Не менее важными были дисциплина и решимость, необходимые для принятия нового кодекса и режима жизни. Так, в середине 1920-х годов многие коммуны выступили против «ненужных украшений», декора, орнамента и вообще всех предметов, которые не имели никаких функций, а лишь скапливали пыль и грязь. С большим воодушевлением коммунары смотрели на внедрение электрического освещения, рассматривая его как один из главных символов «нового быта» и важнейший способ кардинальных перемен в повседневной жизни (с. 549).

Заметным мотивом среди коммунаров было создание специализированных секций («красных уголков») для чтения, где размещались советская литература, газеты и журналы. Некоторые из наиболее успешных и амбициозных коммун выделяли целые комнаты для просвещения и рационального досуга. Революционный дом, каким его видели коммунары, «отвергал интимные пространства и буржуазный уют в пользу чистой и современной социалистической рациональности». Это пространство должно быть «символически непритязательным и физически гигиеничным, чтобы способствовать социалистической жизни – антитезе как грязным лачугам российских бедняков, так и чрезмерно роскошным резиденциям российских богачей» (с. 550).

Неприятие «русской отсталости» и «азиатских условий» быта основывалось на идее Октябрьской революции как «скачка вперед», попытки вырваться из исторических и географических «оков» России. Страх перед «отсталостью», точнее, перед возвращением «отсталости», был дополнительно спровоцирован возрождением изысканных ресторанов, кабаре и других «нереволюционных» развлечений в годы нэпа. Новое «обуржуазивание» повседневной жизни представлялось как угроза и вызов «новому быту» (с. 550).

В России ведущие большевистские мыслители, такие как А. Гастев и П. Керженцев, выступали за развитие тейлоризма в новом идеологическом облики. Керженцев, к примеру, основал «Лигу времени», которая пропагандировала новую организацию времени на заводах, в школах и университетах. Вместо того чтобы

просто стремиться к повышению эффективности труда и производительности, такие организации, как «Лига времени», полагали, что эффективность и временная дисциплина рационализируют свободное время, помогая повысить культурный уровень и самосознание пролетариата (с. 552). К примеру, коммуна Политехнического института в Петрограде составила ежедневное расписание, где с точностью расписывались все действия членов коммуны, начиная с момента утреннего пробуждения и заканчивая временем, когда они ложились спать. Было выделено определенное время для приема пищи, учебы и чтения, отслеживалась продолжительность времени, затрачиваемого на выполнение таких задач, как уборка в доме. Считалось, что правильно составленный график и система мониторинга приведут к повышению эффективности во всех областях, позволяя общине выделять больше времени и энергии на просветительские мероприятия и рациональный досуг. Повседневная жизнь «возводилась в ранг науки» (с. 552). Некоторые коммуны разработали «научные» наблюдения за тем, как каждый человек проводит свое время. Другие коммуны взяли за правило сравнивать свои данные со средними показателями по стране, опубликованными в прессе. Они соперничали за повышение среднего уровня чистоты или гигиены, например принимая ванну или занимаясь уборкой чаще, чем обычные граждане.

«Догоняющая» индустриализация 1930-х годов («пятилетка в четыре года») основывалась на «концепции времени как линейного и прогрессивного – в соответствии с концепциями Просвещения об истории, которая прерывается и ускоряется героическими моментами человеческой деятельности» (с. 555). Такая «борьба со временем» подпитывалась желанием быстро и решительно преодолеть пресловутую «российскую отсталость». Городские коммуны в конечном счете прекратили свое существование при Сталине, сформировав при этом многие аспекты советской повседневности в последующие десятилетия.

И.К. Богомолов

Уайт Дж.Д.

**ЛЕВ ТРОЦКИЙ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1918–1931)
(Реферат)**

White J.D. Leon Trotsky and Soviet historiography of the Russian Revolution (1918–1931) // Revolutionary Russia. – 2021. – N 2. – P. 276–295.

Статья Дж. Уайта, преподавателя истории России и Восточной Европы в Университете Глазго (Великобритания), посвящена развитию раннесоветской историографии Октябрьской революции через призму трудов Л.Д. Троцкого. Рассмотрены 1918–1931 гг. – от первой годовщины Октября и до появления письма И.В. Сталина в газету «Пролетарская революция» в октябре 1931 г. Как отмечает автор, «именно Троцкий заложил основы советской историографии российской революции», начав работу над ее историей еще в период переговоров в Брест-Литовске. Брошюра «История русской революции до Брест-Литовска» в итоге осталась в тени более поздней «Истории русской революции» Троцкого, но тем не менее сыграла в дальнейшем значительную роль. Сам Троцкий отмечал, что главная цель брошюры – представить Октябрьскую революцию таким образом, чтобы побудить рабочих Германии и Австро-Венгрии последовать примеру русских в свержении своих капиталистических правительств (с. 277). Для этого он должен был опровергнуть обвинения К. Каутского и других умеренных социалистов в том, что большевики нарушили демократические принципы, разогнав Учредительное собрание, и отказались договариваться с другими социалистами. Брошюра Троцкого должна была показать, что большевики не совершали государственного переворота за спиной рабочего класса России, что они не устанавливали

партийную диктатуру и сделали все возможное, чтобы привлечь все социалистические партии в новое правительство.

События с февраля по осень 1917 г. в брошюре замалчиваются, и реальной отправной точкой рассказа Троцкого являются последствия Корниловского мятежа. Самому дню 25 октября 1917 г. не придается особого значения, он рассматривается как часть цикла, включавшего неудачные переговоры, которые большевики вели с меньшевиками и социалистами-революционерами после этой даты. Довольно обширный отчет о попытках большевиков сформировать коалиционное правительство был призван показать, что переговоры провалились не из-за отсутствия воли со стороны большевиков, а из-за непримиримости и предательства меньшевиков и эсеров. Троцкий подчеркивает, что партия большевиков получила государственную власть не потому, что она была эффективна в организации вооруженного восстания, а благодаря широкой народной поддержке. Его главный аргумент заключается в том, что большевики пришли бы к власти вполне законно путем выборов, если бы им позволили это сделать их оппоненты. Именно действия последних вынудили большевиков «подвергнуть себя обвинением в том, что они намеревались сорвать демократический процесс и захватить власть путем восстания» (с. 277).

Брошюра «История русской революции до Брест-Литовска» имела большое политическое значение. По словам Уайта, она «подчеркивает идеологическую важность Октябрьской революции: именно от того, как произошло это событие, зависела легитимность советского режима. Это соображение продолжало действовать на протяжении всей советской эпохи и отличало историю Октябрьской революции от остальной российской истории» (с. 278). В первые годы советской власти этой парадигме написания истории Октября следовало и большинство других ведущих работ. В качестве примера Уайт приводит книгу Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», опубликованную в 1919 г. Рид, подобно Троцкому, рассматривал события 25 октября как часть «длительного процесса передачи власти советам, а не как решающий день, в который большевики захватили власть». Этот подход подчеркивался и самим названием книги (с. 278).

К 1920 г. ситуация на фронтах Гражданской войны изменилась в пользу Советской России. Большевистский режим «больше не чувствовал себя в обороне и был готов перенести революцию в Западную Европу». Более того, большевики «верили, что они имеют право на преобладание в Коминтерне, потому что они и

только они доказали, что знают, как совершить успешную революцию» (с. 279). Эти изменения влекли за собой и новую интерпретацию Октябрьской революции: инициатива в Октябре принадлежала не рабочим (на что указывали Троцкий и Рид), а партии большевиков, которая благодаря своему теоретическому и организационному опыту возглавила движение трудящихся, свергла капиталистическую систему и установила диктатуру пролетариата. Фактически она добилась того, к чему стремилась каждая социалистическая партия, и тем самым стала примером для всех. На этом постулате, пишет Уайт, основывалась «ленинская интерпретация Октябрьской революции», доказывавшая, что успех был обусловлен политическим и организационным опытом большевиков. Большевизм заключался в «строжайшей централизации и железной дисциплине», возник на «гранитном теоретическом фундаменте» марксизма и прошел через пятнадцатилетнюю (1903–1917) историю (с. 279).

Уайт подчеркивает, что ленинская интерпретация Октября «не была подкреплена никакими историческими работами, опубликованными к тому времени» (с. 279), но для Ленина было важнее ее обнародование и выведение на официальный уровень. Это видно из дискуссий Ленина с М.Н. Покровским и В.В. Адоратским о создании организации, занимающейся сбором и распространением материалов по истории партии большевиков и Октябрьской революции, чем в итоге стала Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт). Хотя Покровский считал более правильным рассматривать историю революции отдельно от истории партии, Ленин «настаивал на том, чтобы обе функции были возложены на одну и ту же организацию, таким образом, встроив в саму ее структуру идею о том, что партия большевиков ответственна за успех первой пролетарской революции» (с. 279). Создание Истпарта «привело к выделению области особого идеологического значения и выведению ее из сферы академического исторического изучения», а сотрудники Истпарта «были выбраны не за их историческую ученость, а за их политическую надежность» (с. 277). При этом остальная часть российской истории, включая социальные и экономические условия, приведшие к революции 1917 г., была оставлена для научного исследования.

Интерпретация Октябрьской революции, продвигаемая Истпартом, оправдывала статус большевиков как правящей партии. Из этого следовало, пишет Уайт, что «статус фигур в советском руководстве зависел от роли, которую они сыграли или предположи-

тельно сыграли в Октябрьской революции» (с. 281). Очевидным примером является репутация и образ Троцкого в 1920-е годы: в зависимости от положения во власти и хода развернувшейся политической борьбы его роль эволюционировала от главного организатора до главного препятствия к победе Октября. В сентябре 1924 г., в ответ на нападки «тройки» (Сталин – Каменев – Зиновьев) Троцкий в эссе «Уроки Октября» указал на ошибки, допущенные в 1917 г. его нынешними противниками. Так началась «война компроматов», в итоге обернувшаяся скорее против самого Троцкого. Вступая в исторические диспуты с политическими оппонентами, Лев Давидович первостепенное значение придавал историческим фактам, но недооценивал перспективы влияния Сталина на историописание революции.

В 1922 г. глава Истпарта М.С. Ольминский предложил Троцкому опубликовать перевод его книги о революции 1905 г., которая вышла на немецком языке в 1909 г. Царская Россия в изложении Троцкого представляла экономически отсталой страной, периферией капитализма. Если Покровский считал, что экономическое развитие России шло главным образом за счет внутренних сил и ресурсов, то Троцкий увязывал успехи дореволюционной экономики с количеством иностранных инвестиций. Эта схема «представляла угрозу репутации Покровского как историка, поскольку на протяжении всей своей профессиональной карьеры он выступал против идеи надклассового государства». Более того, «существовала опасность, что при поддержке Истпарта взгляд Троцкого на русскую историю станет программным» (с. 283). Покровский приложил все усилия к тому, чтобы опровергнуть концепцию Троцкого о «надклассовой автократии». Ему было бы труднее добиться этого, если бы не то обстоятельство, что его антитроцкистские статьи стали частью литературной дискуссии, спровоцированной «Уроками Октября» Троцкого, и Покровский был признан победителем в обмене мнениями.

Уайт отмечает, что в 1933 г., когда Троцкий окончил публикацию своей «Истории русской революции», по-прежнему не было исторических работ, где предпринималась бы попытка систематического анализа революции 1917 г. Трехтомная «История» Троцкого – это «работа, которая заполняет пустоту» и предоставляет «отчет об этом решающем периоде мировой истории» (с. 286). Троцкий подчеркивал: то, что он пишет, является не субъективными воспоминаниями, как в «Моей жизни», а объективным историческим исследованием. При написании книги Троцким, по словам

Уайта, двигала «настоящая страсть», а также «желание продолжить кампанию против советского руководства, и особенно против Сталина <...> Троцкий намеревается показать, что он [сам], наряду с Лениным, должен взять на себя ответственность за успех Октябрьской революции; что он лучший ленинец; и что Сталин и остальная часть советского руководства вообще не претендуют на ленинские полномочия. Именно этот аспект книги Троцкого оказал наибольшее влияние на советскую историографию 1917 г.» (с. 287).

«История» Троцкого появилась в то время, когда Сталин был «особенно уязвим». Многочисленные проблемы и трудности при проведении индустриализации и коллективизации, усиление внутрипартийных групп вынуждали его «серьезно отнестись к обвинению в идеологических недостатках, содержащемуся в книге Троцкого <...> Это было значительное произведение высокого литературного достоинства, хорошо подкрепленное документально». Более того, говоря, что Сталин и другие возвратившиеся из Сибири большевики в марте 1917 г. «не шли в ногу с Лениным», Троцкий лишь повторял то, что было сказано в четвертом томе «Истории ВКП(б)» под редакцией Е.М. Ярославского, вышедшем в 1930 г. Этот раздел книги был написан молодым выпускником Института красной профессуры Д.Я. Кином, использовавшим в качестве основного источника воспоминания А.Г. Шляпникова. Уайт предполагает, что книга Троцкого «была бы рецензирована Покровским точно так же, как он рецензировал “Мою жизнь”», но Покровский к тому времени был серьезно болен, у него был рак, и больше не мог писать. В этой ситуации «ответом на историю Троцкого, хотя и непризнанным, стало письмо Сталина в “Пролетарскую революцию” в октябре 1931 г.» (с. 289).

Формально в этом письме Сталин намеревался в первую очередь раскритиковать статью А. Г. Слуцкого «Большевики о немецкой социал-демократии в период ее довоенного кризиса». Слуцкий утверждал, что Ленин недооценил опасность центризма и начал активную кампанию против него только тогда, когда его подтолкнула к этому Роза Люксембург. Это, по мнению Сталина, наводило на мысль, что в довоенный период Ленин еще не был настоящим большевиком и революционером. Сталин не довольствовался непроверяемыми доказательствами, что Слуцкий был неправ; он настаивал на том, что были некоторые аспекты истории партии, не подлежащие обсуждению и проверке историческими документами. Проблема, которую должно было решить письмо в «Пролетарскую революцию», заключалась в том, что обвинения Троцкого

против Сталина были подкреплены документами, мемуарами Шляпникова, а также номерами «Правды», опубликованными до возвращения в Россию Ленина. Сталин намеревался представить дело таким образом, чтобы казалось, будто не Троцкий повторял заявления Ярославского и Шляпникова, а Ярославский и Шляпников повторяли заявления Троцкого. Необходимо было «вывести Троцкого за рамки дозволенного, отказать ему в каких-либо притязаниях на звание социалиста и приравнять его к контрреволюционной буржуазии» (с. 290).

Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» стало «переломным моментом в советской историографии, положившим конец структурам и отношениям 1920-х годов, и проложило путь к появлению “Краткого курса истории ВКП(б)”». При этом подавление дискуссий о книгах Троцкого повлияло и на сталинскую концепцию истории 1917 г. В «Кратком курсе» были, к примеру, приведены данные о сильной зависимости царской России от западного капитала, что «очень приблизило Сталина к позиции Троцкого» (с. 292). В итоге на протяжении последующих тридцати лет интерпретация Троцкого «совпадала с официальной советской доктриной по этому вопросу» (с. 292). Уайт в заключение пишет, что такие совпадения встречались и, более того, были очевидны, однако не изучались не только в СССР (из-за неизбежности упоминания Троцкого), но и в западной исторической науке.

И.К. Богомолов

Дьюкс П.
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В «БРИТАНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»
(Реферат)

Dukes P. The Russian Revolution in The Encyclopaedia Britannica // Revolutionary Russia. – 2021. – N 2. – P. 259–275.

Британский историк Пол Дьюкс в статье в журнале «Revolutionary Russia» обращается к вопросу освещения российской революции в одном из главных справочных изданий XX в. – «Британской энциклопедии» (Encyclopedia Britannica). Анализируя ее разделы о позднеимперской и Советской России, биографиях главных советских политических деятелей, истории Гражданской войны и становления Красной армии, Дьюкс стремится показать, как менялись общие взгляды авторов «Британники» на развитие Европы и европейской цивилизации в контексте Первой мировой войны и революции 1917 г.

Повествование Дьюкса начинается с 1910 г., когда вышло 11-е издание «Британской энциклопедии», где были затронуты в том числе и вопросы развития России. В редакционном предисловии журналист Х. Чисхолм отмечал, что в энциклопедии «во всем преобладает историческая точка зрения», авторы предприняли попытку рассмотреть целый ряд тем в непрерывном развитии, чтобы основные факты вплоть до осени 1910 г. излагались «не просто как изолированные события, но как часть непротиворечивого целого» (цит. по: с. 259). Внутренняя и внешняя политика России, ее география и экономика также были затронуты в издании. В частности, князь П.А. Кропоткин подробно описал географию империи, в то время как Д.М. Маккензи-Уоллес изложил политическую историю вплоть до роспуска II Государственной Думы в 1907 г.

Оксфордский историк У.А. Филлипс рассказал о политических процессах и перестановках в правительстве вплоть до декабря 1909 г., «с некоторым беспокойством, но без тревоги» (с. 260).

Тома «Британники» с 30-го по 32-й были добавлены в 1922 г. и вместе с предыдущими двадцатью девятью составили 12-е издание. Редакторы попытались учесть резко изменившуюся ситуацию и, в частности, составить «новую, самобытную и независимую справочную библиотеку, посвященную событиям и разработкам российской революции в период с 1910 по 1921 г. включительно» (с. 260). Написание статьи о России теперь было доверено историку-эмигранту П.Г. Виноградову. Его рассказ Дьюкс приводит подробно, отражая взгляды историка на политическое развитие России в последнее предреволюционное десятилетие. В истории России 1910–1921 гг., считал Виноградов, «господствовала революция», и все ключевые события, включая Первую мировую войну, следует рассматривать главным образом как прелюдию к «катастрофе». В целом Виноградов «не смог найти ничего, что заслуживало бы положительных комментариев о России 1921 г.», даже учитывая попытки Москвы «восстановить отношения с капиталистическими державами» и «уступки новой экономической политики». По его мнению, падение нравов было «более вредным, чем экономический упадок», т.к. Россия потеряла миллионы эмигрантов, а большевики «отравили основы национальной морали на многие поколения вперед» (с. 263).

Статья в 13-м издании «Британской энциклопедии» (1926 г.), посвященная России, состояла из семи разделов. История «до революции» представляла сокращенную версию раздела, написанного в 12-м издании Виноградовым (новую версию он написать не успел, так как умер в 1925 г.). «Россию после революции» описал А. Рэнсом – журналист и писатель, автор известных книг для детей, а также нескольких работ о событиях в России с 1917 по 1926 г., свидетелем которых стал он сам. Статья Рэнсома была разделена на три периода: с марта 1917 по март 1918 г.; с марта 1918 по март 1921 г.; и с марта 1921 по март 1926 г. Размышляя о Февральской революции, Рэнсом писал: «Казалось бы, успешная революция невозможна до тех пор, пока существующий режим не прогнил насквозь», однако после падения монархии «революция все еще не имела собственного разума и не была уверена в том, что делать со своей победой». В отличие от Виноградова Рэнсом считал, что роспуск Учредительного собрания был неизбежен в силу сложившейся политической ситуации. В то время как эсеры были «мно-

гочисленны, но неорганизованны, разбросаны и пассивны», партия большевиков была «чрезвычайно активна, сравнительно хорошо организована и... занимала все наиболее ценные стратегические позиции, доминировала в городах» (с. 265). Подписание Брест-Литовского мирного договора знаменовало окончание первого периода революции. С марта 1918 по март 1921 г. происходило становление и укрепление советской власти в борьбе с внешними и внутренними врагами. Третий период рассказа Рэнсома, с марта 1921 по март 1926 г., касался главным образом новой экономической политики, автор констатировал постепенное «угасание» революции вместе со стабилизацией нового государственного строя в России. По словам автора, летом 1921 г. «с закрытых магазинов опустились ставни, и за разбитыми и залатанными окнами появились всевозможные тайные магазины <...> Снова богатые люди ездили в такси, в то время как бедные ходили пешком, богатые люди были толстыми, в то время как бедные были худыми» (с. 265). Уже в этом издании энциклопедии упоминается внутривластная борьба 1920-х годов, отмечается возвышение Сталина и потеря Троцким его былого влияния (с. 266).

Большое внимание Дьюкс уделил «контексту» описания российской революции в статьях о политических, экономических, культурных процессах в Европе 1920-х годов. В предисловии к изданию «Британники» 1926 г. редактор Дж. Гарвин заметил: «За пятнадцать лет, частично в результате физического конфликта, беспрецедентного по масштабу, насилию и интенсивности, частично в результате полного и многообразного воздействия факторов, которые начали проявляться еще до войны, произошла всеобщая революция в человеческих делах и человеческом разуме». Поэтому, считал он, «беспристрастный взгляд на русскую революцию еще не может быть сформирован, когда сами русские все еще яростно расходятся во мнениях» (цит. по: с. 266). Великобритания и США также уже не могут, как раньше, оставаться в стороне и смотреть за страстями, бушующими на европейском континенте. Мировая война показала, что страны стали более зависимы друг от друга. Затяжной и разрушительный военный конфликт поставил европейскую цивилизацию на грань катастрофы. В качестве примера этих настроений Дьюкс привел статью об отношениях «англоговорящих народов» с окружающим их миром. Автором ее был Дж.С. Лоу Стрейчи, бывший редактор и владелец британского консервативного журнала «Спектатор» и автор ряда книг, в том числе «Проблемы и опасности социализма». В статье он призывал

защитить европейскую цивилизацию, «которая была создана с таким большим трудом и страданиями, большими надеждами и большими усилиями, чтобы она не пошла по пути Египта и Персии, Афин и Рима, а также сотен благородных рас и могущественных империй». Люди «доброй воли» должны помешать ввергнуть Европу в «длинную серию войн, способных подорвать жизнеспособность белых рас и подвергнуть цивилизованный мир, каким мы его знаем, вторжениям варваров нашей эпохи», под которыми Стрейчи, вероятно, имел в виду большевиков, хоть и не упомянул их (цит. по: с. 267).

О причинах Первой мировой войны и послевоенном восстановлении мира подробно рассказал в своей статье Ж. Кайо, премьер-министр Франции в 1911–1912 гг. По его словам, до 1914 г. он был одним из «пророков катастрофы», предупреждал, что существует «опасность мирового конфликта и что Европа рискует погибнуть во время бури». Обращаясь к тому, что он назвал «Русской катастрофой», Кайо утверждал, что Москва стала ареной борьбы между «европеизмом» и «скифизмом». В любой политической борьбе Запад почти наверняка одержал бы победу, но были большие опасения, что «новый переворот прозвучит последним звонком для нашей цивилизации». Чтобы этого не случилось, «Центральная и Западная Европа» должны полностью восстановить свою экономическую и политическую мощь. При этом Кайо отмечал, что Центральная Европа нестабильна политически и только начинает восстанавливаться экономически, в то время как победившие государства Западной Европы страдают от тех же проблем, что и побежденные, их единственное преимущество заключается в том, что их страдания меньше (с. 271).

Дьюкс также обращает внимание на биографический очерк о Ленине. Автором стал Троцкий, который помимо прочего остановился на особенностях характера «вождя», его повседневных привычках в быту, еде, общении с людьми. Внешность Ленина, по словам Троцкого, «отличалась простотой и силой <...> Простота его литературного и ораторского стиля выражала крайнюю концентрацию его духовных сил, устремленных к единой цели. В личном общении Ленин был уравновешен, вежлив и внимателен, особенно к слабым и угнетенным, а также к детям. Его образ жизни в Кремле мало чем отличался от его жизни эмигранта за границей. Простота его повседневных привычек, его аскетизм в отношении еды, питья, одежды и “благ” жизни в целом в его случае проистекали не из так называемых моральных принципов, а возникли по-

тому, что интеллектуальный труд и напряженная борьба не только поглощали его интересы и страсти, но и придавали ему... удовлетворение, не оставляющее места для дополнительных удовольствий» (цит. по: с. 268).

Статья «Россия» в 13-м издании «Британской энциклопедии» содержала еще несколько более кратких разделов. Полковник британской армии А.П. Уэйвелл, рассуждая о состоянии Красной армии, считал, что большевики в ближайшее время не будут использовать открытые вооруженные интервенции, предпочтут избегать военных конфликтов и добиваться своих целей путем «пропаганды и разжигания внутренних беспорядков» в странах Европы и Азии (с. 268). Рассмотрены также вопросы экономической истории (профессор Л.Н. Юровский), аграрной политики (Д.Г. Горвин), внешние задолженности России (Х.Э. Фиск), развитие русской литературы (Д.С. Мирский). У.Э. Айронсайд подробно рассмотрел ход британской интервенции в годы российской Гражданской войны, а также «русско-польскую кампанию», прославляя польскую победу и восхваляя руководство Польши.

В заключение Дьюкс отмечает что 12-е и 13-е издания «Британской энциклопедии» уделяют значительное внимание истокам и последствиям российской революции. Эти тома «уловили суть потрясений столетней давности, поскольку эволюционный подход, обещанный редактором одиннадцатого издания, был подавлен войной и революцией». Из-за этого некоторые из авторов оказались неспособны объективно анализировать события в России и сохранять обычный для справочных работ нейтральный тон (с. 272).

И.К. Богомолов

В.П. Любин

**Рец. на кн.: XV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
1927–1941 гг.: ПРОБЛЕМЫ, ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ В
ОБЛАСТИ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
КУРСОВ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА :
материалы международной конференции, 23–25 сентября
2022 г. / под ред. Т. И. Филимоновой. – Санкт-Петербург :
РНБ : Ниц Арт, 2022. – 297 с.**

В сборнике «XV Плехановские чтения» отражена разнообразная тематика, касающаяся истории СССР от конца 1920-х до начала 1940-х годов. Это уже третий сборник, в котором организаторы и участники традиционных международных научных конференций, регулярно с конца 1980-х годов проводимых Домом Плеханова в Санкт-Петербурге (ранее Ленинграде), исследуют ключевые проблемы советского периода истории и дают свои оценки разным сторонам, как его называют некоторые историки, «красного эксперимента» 1917–1991 гг. на территории бывшей Российской империи и в соседних странах Восточной Европы и Азии¹.

Организаторами чтений была поставлена задача: провести серию научно-практических конференций, на которых «на основе конкретно-исторического анализа и с учетом действительного ис-

¹ См.: XI Плехановские чтения: Россия в геополитической ситуации 1914–1918 гг. : материалы конференции 30.05–01.06.2014. – Санкт-Петербург : РНБ, 2014. – 114 с.; XIV Плехановские чтения: «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»: Советская Россия в 1921–1927 гг. : материалы международной конференции 6–7 ноября 2020 г. – Санкт-Петербург : КультИнформПресс, 2020. – 196 с.

торико-культурного ландшафта времени предполагается рассмотреть три периода развития Советского общества (1921–1991) и сформировавшейся с 1945 г. системы стран социалистического содружества» (с. 4).

В рецензируемой книге представлены тезисы докладов историков, специалистов по проблемам внутренней и внешней политики СССР, рассмотрены социально-философские проблемы развития советского общества. Проанализированы «общетеоретические проблемы социализма и марксизма, теоретические поиски социальных и политико-экономических практик ВКП(б) в процессе социалистического преобразования государства» в конце 1920-х – начале 1940-х годов; внешнеполитическая деятельность руководства СССР (с. 1).

В предисловии руководителя Дома Плеханова Т.И. Филимоновой (благодаря усилиям ее и немногочисленных научных сотрудниц Дома Плеханова уже более 30 лет регулярно проходят высокого уровня международные научные конференции в Санкт-Петербурге, их открытие приурочено к годовщине кончины Плеханова 30 мая 1918 г.)¹ отмечается, что организаторами конференции 2022 г. являются Российская национальная библиотека и сектор философских проблем политики Института философии РАН. Она продолжает серию научных встреч, объединенных в единый цикл тезисом Г.В. Плеханова «социализм как цель есть полное отрицание современного общества. Социализм как движение есть стремление, практическое приближение к этой цели» (с. 4). Эпиграфом к предисловию автор выбрала слова Плеханова: «...экономическая структура общества определяет собою его политический строй и нравственный облик человека» (там же).

Обращаясь к материалам и выводам, представленным в предыдущем сборнике о «красном эксперименте» в СССР, Филимонова пишет: «Новая экономическая политика, ставшая генеральной линией социально-экономического и культурного развития страны в первые последовавшие после Гражданской войны годы, к

¹ Автор рецензии начиная с 1990 г. постоянно участвует в научных конференциях в Доме Плеханова, публиковал обзоры на сборники Плехановских чтений в изданиях ИНИОН РАН. В конференциях в Доме Плеханова участвовали научные сотрудники ИНИОНа Б.С. Орлов, Ю.В. Дунаева, внучатый племянник видной деятельницы Коминтерна и Итальянской социалистической партии А.И. Балабановой – капитан второго ранга А.Л. Балабанов, известные зарубежные философы, историки и политологи, среди них Даниэла Стейла (Турин), Хайнц Тиммерман (Кёльн), Роберта Алонци (Сиена).